

The article highlights semantic and formal syntactic specifics of the dative case. Peculiarities of the preverb positions are singled out. The data obtained reveal the case potential related to the derived pre-substantive and pre-adjectival positions. It is the verb predominant role that exposes semantic-syntactic potential of the dative case and its differential features.

Key words: the dative case, primary and secondary functions, verb, verb position.

*И.В. Решетарова
(г. Горловка, ДНР)*

УДК 81'271:82-92

МЕДИАДИСКУРС: НОРМА И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА

Современный медиадискурс небезосновательно характеризуется усилением проявления языковой личности в тексте. Слово, как единица языковой картины мира человека, несет собеседнику не только информацию, но и личностную эмоционально-оценочную характеристику той или иной ситуации, ее социально-политическую и культурологическую нагрузку. Текст становится главным отображением языковой индивидуальности, так как процессы, происходящие в дискурсе, в значительной степени демократизируют язык и освобождают творческие ресурсы языковой личности. Язык СМИ, а особенно язык интернет-изданий и блогеров, сегодня стремится избавиться от давления устаревшей нормы, максимально сблизить литературную и нелитературную формы, что свидетельствует о рождении новой нормы, о социально-психологической эволюции языка.

Современная наука подходит к изучению феномена языковой игры с различных позиций – лингвистической, культурологической, коммуникативной, семиотической и др. Многообразие подходов к изучению данного явления обусловлено как комплексным характером самого явления, так и тем влиянием, которое некогда приобрели медиа-средства. Основываясь на своем богатом эмоционально-оценочном арсенале, СМИ образовали особую среду, функционирующую и развивающуюся по своим законам и обладающую специфическими механизмами воздействия на общество. Именно внутри данной дискурсивной среды и культивируется стойкий интерес к языковой игре.

В отечественном языкознании языковая игра получила научно обоснованное признание после публикации одноименной коллективной монографии Е.А. Земской, М.В. Китайгородской

и Н.Н. Розановой, хотя лингвистические явления, обозначаемые данным термином, имеют богатую историю изучения. Так, изучение теоретических основ языковой игры освещается в трудах: Ю.Д. Апресяна, Т.В. Булыгиной, Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, К.С. Седовой, А.Д. Шмелевой и других.

Вышеобозначенная монография [2] Е.А. Земской, М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой трактует искомый термин, как явление, когда «...говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.д.)».

В более поздних исследованиях термин «языковая игра» получил более узкую трактовку: под ним стали понимать осознанное нарушение нормы. При таком подходе языковая игра противопоставляется языковой ошибке, которая возникает вследствие непреднамеренного нарушения нормы. При кажущейся очевидности и логичности такого противопоставления в языковой ситуации не всегда просто провести грань между ошибкой и игрой. Так, в лингвистических исследованиях последних десятилетий XX в. все настойчивее зазвучала мысль о том, что отношение «норма – ошибка» должно сменить отношение «норма – другая норма». При этом, под «другими нормами» следует понимать [4] стилистическую и ситуативную, то есть контекстную нормы. Таким образом, вопрос о нормативности употребления лексической единицы уходит из поля кодификации, а понимание правильного – неправильного переходит в уровень уместного – неуместного. Тезис «правильно все то, что целесообразно, уместно» определяет реальность коммуникативной или ситуативно-обусловленной нормы» [4]. Проблема нормативности представляется довольно острой и шепетильной проблемой, изучаемой в рамках культуры речи – раздела лингвистики, изучающего речевую жизнь общества и устанавливающего на научной основе правила пользования языком как основным средством общения людей, орудием формирования и выражения мыслей.

Весомый вклад в становление культуры речи как науки в середине XX в. внесли В.И. Чернышев, В.В. Виноградов, А.А. Шахматов, Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и другие советские исследователи. Самостоятельной дисциплиной культура речи становится в 70-е гг. XX в., когда она формирует свой предмет и объект, свои цели и задачи, методику и приемы исследования материала.

Научные студии ученых, специализирующихся на культуре речи, в целом направлены на создание позитивной программы лингвистического воспитания, выработку языкового чутья, умения наилучшим способом пользоваться языком, его выразительными средствами в соответствии с речевыми задачами и законами функционирования языка в обществе. Именно культура речи должна занимать центральное место в подготовке специалистов-словесников, будь то журналисты, учителя или переводчики.

С точки зрения составителей словаря лингвистических терминов Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой [5], норма – это языковые варианты, ставшие самыми распространенными из всех существующих, закрепившиеся в практике образцового употребления и лучше других выполняющие свою функцию.

Обзор соответствующей литературы наводит на мысль, что исследователи наделяют понятие нормы таким разнообразно широким наполнением, что ни одно определение не способно отразить все характеристики нормативности и порядок функционирования языковых средств в речи. Соответственно, достаточно логичным представляется рассматривать норму как алгоритмы языковых реализаций конкретного материала, заполняющего эти реализации. Этот материал, следовательно, уместно называть совокупностью или, скажем, системой нормативного или нормального употребления.

Таким образом, норма – это свод правил реализации системы языка, система таких правил. И такая система не может быть полностью изолирована от условий существования языка. Норма зависима от внешней ситуации, экстралингвистических факторов. И, коль скоро норма – это лингвистические правила использования лингвистического материала, она не может противопоставляться языку. Соответственно, норма входит в состав языка и представляет собой «зону карантина», которая фильтрует связи языка с экстралингвистическими ситуациями. Норма регламентирует (и обеспечивает несколько ограниченный выбор) употребление элементов, структур, моделей системы соответственно конкретным речевым актам в зависимости от конкретных (типичных) ситуаций.

Необходимо также помнить о так называемой кодифицированной норме – норме, существующей в сознании носителей языка. Кодификация – это фиксация языковой нормы, объективно существующей в виде правил в авторитетном лингвистическом издании (уровня словаря или учебника по грамматике) и адресована всем членам языкового сообщества [1]. Перефразируя Эухенио Косериу, резюмируем: система – это

то, что *можно* говорить; норма – то, что *следует* говорить, в то время как речь – то, *что и как* говорится в действительности. Таким образом, становится очевидной существование еще одной прослойки между нормой и конкретным речевым актом. Лингвисты определяют эту прослойку как узус. Значит, узус – это разница между *следует говорить* и *говорится на самом деле*. В то же время словарь лингвистических терминов [5] определяет узус как принятое носителями определенного языка употребление устойчивых оборотов, форм, конструкций и др.

Систему и норму объединяет их принадлежность к языку, узус и собственно речь – их принадлежность к речи, норму и узус – их «нормальность». Узус, вероятно, следует понимать как подсознательную, не кодифицированную норму.

Вышеизложенное доказывает двойственность характера языковой нормы: она одновременно является лингвистической и социальной категорией. Социальность нормы подтверждается еще и тем фактом, что именно она оценивает речевые факты как нормативные или ненормативные. Аналогичные выводы были сделаны Н.Н. Пилинским [3] в работе «Языковая норма и стиль».

С самого детства человеку транслируют правила речевого поведения: дома – родители, в школе – учителя. Однако, существуют данные исследований американских ученых, которые утверждают, что 5% рабочего и 10% свободного времени люди ругаются. Кроме того, некоторые антропологи уверены, что именно ругательства были первыми словами древнего человека, мотивируя это тем, что пещерный человек перестал хвататься за дубинку по любому поводу, как только научился ругаться, чем и обеспечил себе выживание.

Не нужно быть ни антропологом, ни психологом, чтобы понимать, что на современном этапе развития нашего общества у человека никак не меньше поводов для употребления бранной лексики, чем у его далекого предка. Однако, важно понимать, что полезно именно «спускать пар», освобождаясь таким образом от негативных эмоций, что совершенно не означает ругаться направо и налево, густо перемежая свою речь бранными словами. Главное – отреагировать на стресс или оскорбление максимально эмоциональным образом. В бытовой ситуации для разрядки человеку иногда достаточно просто покричать – даже без слов. Журналисту же, транслирующему сгустки эмоций в газете или интернет-издании, блогеру, ведущему популярную страницу, приходится придумывать, чем заменить этот «крик». В ход идут разнообразные средства, например

ненормативное использование прописной буквы, омонимы, паронимы, аббревиация, нарушение орфографических норм (вернее привычного образа узуального слова) наконец.

Слова, используемые вместо грубых и неуместных, принято называть эвфемизмами. Их природа, соответственно, традиционно описывается как замещающая или маскирующая. С одной точки зрения, эвфемизмы отшелушивают нецензурные выражения и всевозможные «непечатные» речевые образы, с другой – привносят разнообразие в арсенал бранной лексики. Ведь на каждое «непечатное» выражение найдется до десятка эвфемизмов. И это только через словарь. А ведь между *можно говорить* и *говорится на самом деле* огромное расстояние, заполненное индивидуально-авторским словообразованием блогеров и журналистов.

Чем бы ни объяснялись причины огромной популярности языковой игры в медиадискурсе, сколь громкими ни были бы призывы специалистов очистить СМИ от «акустического мусора», возможно, все же не стоит бороться с таким надежным способом снятия напряжения, как хлесткое словцо, особенно, если оно способно предотвратить физическое насилие в любом его проявлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ицкович В. А. Очерки синтаксической нормы / В. А. Ицкович. – М. : Наука, 1982. – С. 11.
2. Земская Е. А. Языковая игра / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Русская разговорная речь : Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. – М. : Наука, 1983. – С. 172-213.
3. Пилинский М. М. Мовна норма і стиль / М. М. Пилинський. – К., 1976. – С. 9.
4. Современный русский язык : коммуникативно-функциональный аспект // Учебное пособие. – Ростов-на-Дону : Изд-во Рост. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 5.
5. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Мир и Образование, 2003. – С. 237, 571.

АННОТАЦИЯ

Решетарова И. В. Медиадискурс: норма и языковая игра

В статье анализируются предпосылки популярности игры слов в журналистской среде, соотношение нормы и игры слов, а также предпринята попытка «оправдать» сквернословие в медиадискурсе.

Ключевые слова: игра слов, медиадискурс, норма, эвфемизм, сквернословие.

SUMMARY

Reshetarova I. V. Mass Media: the Norm and the Linguistic Play on Words

The article speculates on the factors that make the linguistic play on words so popular among the journalists. It tries to put a word in for abusive language usage in the modern media discourse. The correlation between the linguistic play on words and the norm in media texts is also analyzed.

Key words: linguistic play on words, media discourse, norm, euphemism, abusive language.

И.В. Розова
(г. Горловка, ДНР)

УДК 801.6; 802.085

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ XX СТОЛЕТИЯ)

Концептуальная система автора-сатирика, получая вербальное выражение, участвует в процессе порождения текста, когда из какого-либо внутреннего замысла происходит развертка в высказывание, т.е. создается *«определенная система концептуально-ценностных ориентиров, определяющих выбор конкретных языковых средств, служащих кодом при передаче концептов посредством текстового сообщения»* [5, с. 37]. Таким образом, с помощью своей системы автор влияет на адресата в процессе коммуникации, о которой Ю.Лотман говорит как о переводе текста с языка моего «я» на язык твоего «ты». Возможность такого перевода обусловлена тем, что коды обоих участников коммуникации, хотя и не тождественны, но образуют пересекающиеся множества [3, с. 3], что сочетается с замечанием Т. ван Дейка о том, что *«успешная вербальная коммуникация возможна, если только пользователи языка обладают общими значениями-“знаниями”»* [2, с. 17].

Обязательность функционально-коммуникативного подхода к изучению явлений стиля отражает общее представление о том, что употребление – это языковая прагматика. Заимствованный